

Г. Ф. Ильин

ОСОБЕННОСТИ РАБСТВА В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Рабовладельческие отношения в Индии определяли общественную структуру страны в течение многих сотен лет. За это время они развивались и изменялись. Всесторонне изучить эти сложные процессы — задача сложная и трудная, которая может быть решена только в процессе работы многих исследователей.

Настоящая работа имеет своей целью выяснить особенности рабства в Индии в последние века до нашей эры. Этот период в истории Индии освещен в источниках лучше, чем какой-либо другой, хотя и при изучении этого периода приходится сталкиваться с огромными трудностями. Они прежде всего заключаются в характере источников: не сохранилось почти никакой хозяйственной документации, эпиграфический и археологический материал крайне скуден.

Один из важных источников — это данные очевидцев, побывавших в Индии в этот период, главным образом греков — участников похода Александра Македонского в Индию и послов эллинистических государств к царям Магадхи. Но записи очевидцев дошли до нас только в пересказах позднейших писателей (Арриан, Страбон, Плиний и т. д.), да и сами записи часто только вводят в заблуждение, так как авторы многого не понимали в чуждой им обстановке и не всегда заботились о правдивости сообщаемых ими сведений.

Индийские литературные памятники являются самым важным источником для освещения этого периода. Они чрезвычайно обильны и разнообразны (религиозная литература, сборники законов, трактаты по самым различным вопросам и т. д.). Но ряд обстоятельств значительно обедняет все данные, которые можно из них извлечь: ни один из этих литературных памятников невозможно датировать точно; нельзя с уверенностью определить место составления того или иного используемого источника, а это очень важно, если учесть, что общественно-экономические условия в различных частях Индии могли значительно отличаться друг от друга; не известен автор ни одного из этих трудов, а традиционное авторство, как правило, — фикция; дошедшие до нас литературные памятники обычно подвергались с течением времени значительной обработке, определить вставки и искажения не всегда возможно.

Автор этой статьи понимает, что работа, написанная на основании столь недостаточных источников, не может претендовать на исчерпывающее решение всех вопросов большого значения, которые им затронуты. Это только предварительный набросок, который касается проблемы, почти совершенно не освещенной в советской и зарубежной исторической литературе.

В древней Индии было много разрядов рабов — *dāsa*. Эти разряды в некоторых памятниках древнеиндийского права отмечены. Основное, что учитывалось при классификации, это обстоятельства, при которых данный раб оказался принадлежащим своему хозяину. Анализ термина *dāsa* показывает, что это слово оказывается не совсем равнозначным тому, что мы обычно понимаем под словом «раб»; а это поможет точнее определить характер рабовладельческих отношений в древней Индии.

В «Законах Ману» (VIII, 415)¹ упоминается семь разрядов рабов — *dāsa*. В «Артхашастре» Каутильи² нет сводного перечисления их, но в разных местах трактата можно насчитать четырнадцать таких разрядов. Приведем для сравнения и те пятнадцать разрядов, которые даются в «Законах Нарады» (V, 26—28)³ — сборнике более позднем по времени составления (около V в. н. э.). Все эти данные сведены в публикуемую таблицу: в первой ее части (I) указаны термины для тех разрядов рабов, которые только сменили хозяина или являются рабами по происхождению; во второй части (II) сгруппированы термины, под которыми можно подразумевать и тех, кто только сменил хозяина, и тех, кто стал рабом из свободных; в третьей части таблицы (III) помещены термины, обозначающие лиц, перешедших из свободного состояния в рабство. Внутри этих групп термины подобраны по возможности по сходству.

Из данных таблицы следует, что основными источниками рабства были: 1) естественное воспроизводство рабов, т. е. рождение рабов рабынями, 2) продажа или заклад свободных в рабство, 3) долговая кабала, 4) обращение в рабство военнопленных, 5) обращение в рабство как наказание за преступление.

Gr̥haja — рабы, «рожденные в доме», часто встречаются в древнеиндийской литературе. На потомство рабыни хозяин имел безусловное право. У Ману (IX, 48) потомство рабыни считается в такой же мере собственностью хозяина, как и потомство домашних животных. Но Каутилья устанавливает, что ребенок рабыни от самого хозяина и его мать становились свободными и могли уйти от хозяина (III, 13).

Одним из основных источников рабства была также продажа и заклад в рабство свободных. Так, родители имели право продавать своих детей (Баудхаяна, VII, 5, 3)⁴. Наряду с продающим самого себя — *ātma-vikrayin* неоднократно упоминаются и продаваемые жена и дети; но Каутилья считает продажу свободных в рабство наказуемым деянием (III, 13). Продажа себя, жены и детей в рабство осуждалась и с точки зрения религиозно-кастовой морали. Так, у Ману⁵ и Яджнавалкьи⁶ такое действие считается проступком, влекущим за собой выпадение из касты.

У Яджнавалкьи (II, 182) упоминаются «сделанный рабом силой» — *balāddāsīkṛta* и «проданный разбойниками» — *corairvikṛta*. И в Джатаках⁷

¹ Перевод сделан по изд. J. P. Collu, *Mānava dharma śāstra*. L., 1887.

² Использовано изд.: «*Arthaśāstra of Kauṭilya*», I—III, 1922—1924 (Trivandrum sanscrit series, LXXIX).

³ Пользуюсь цитатой, приведенной в статье N. Banerjee, *Slavery in ancient India*, «*The Calcutta review*», 1930, № 8, стр. 260.

⁴ «*The sacred laws of the Āryas. Vāsiṣṭha and Baudhāyana*», Oxf., 1882 («*The sacred books of the East*», XIV).

⁵ XI, 60: *ātma-vikraya* — продажа самого себя; XI, 62: *dārāyā vikraya* — продажа жены и *apratyasya vikraya* — продажа ребенка.

⁶ III, 240: *ātma-vikraya*; III, 242: *bharyāyā vikraya* — продажа жены; III, 236: *sutānām vikraya* — продажа детей. Здесь и дальше перевод с издания «*Jāṅnvalkyā's Gesetzbuch*», hrsg. von A. Stenzler, B. — L., 1849.

⁷ «*The Gataka, or stories of the Buddha's former births*», I—VI, Cambridge, 1895—1907.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ТЕРМИНОВ, ОЗНАЧАЮЩИХ РАЗРЯДЫ DĀSA

	Ману	Каутилья	Нарада	
I	1	gṛhaja (рожденный в доме)	gṛhajāta (рожденный в доме)	
	2	datrima (полученный как дар)	labdha (полученный как дар)	
	3	patrika (полученный от отца)	dayamatadāsa (раб, доставшийся в доле наследства) dāyopāgata (полученный по наследству)	dāyādūpāgata (полученный по наследству)
II	1	krīta (купленный)	krīta (купленный)	
	2		āhitaka (заложенный)	āhitaḥ svāminā (заложенный)
	3			paṇe jita (выигранный на пари или в кости)
III	1	dhvajāhṛta (захваченный под знаменем)	dhvajāhṛta (захваченный под знаменем)	yuddhaprāpta (захваченный в битве)
	2	bhaktadāsa (раб за пищу)		bhaktadāsa, annākālabhṛta (раб за пищу, имеющий питание во время голода)
	3	daṇḍadāsa (раб в силу наказания)	daṇḍapraṇita (приговоренный к штрафу) daṇḍapratikārin (отрабатывающий штраф)	pravrajyāvasita (отступник)
	4		ātmavikrayin (продавший себя)	vikretātman (продавший себя)
	5		ātmādhātar (заложивший себя) ātmādhigata (заложивший себя)	ṛnātpṛapta (полученный из долга) kālakṛta (сделанный рабом на время)
	6		ātmadātar (дарящий себя)	tavāhamityupagata (передавший себя)
	7			vaḍavābhṛta (раб из-за его брачной связи с рабыней)

неоднократно рассказываются случаи захвата разбойниками людей с целью добиться выкупа за них; иногда захваченные обращались также и в рабство (№ 477). Но вряд ли этот источник рабов играл важную роль в древней Индии. За похищение людей полагалось высшее наказание или даже смертная казнь¹. Найти покупателя для такого раба также было трудно, так как в случае обнаружения истинного происхождения его он распоряжением царя отпускался на свободу без всякой компенсации (Яджнавалкья, II, 182). Нельзя не отметить, что специализированные похитители людей в древней Индии не известны, так же как для нее не характерна типичная для Средиземноморья фигура полукупца-полуразбойника.

У Каутильи указывается, что при некоторых крайних обстоятельствах разрешалось обращать своего родственника в рабство, но только залогом на определенный срок: «Но заложив ария по семейным обстоятельствам — в несчастье ариев — и добыв сумму выкупа, молодого или могущего оказать помощь пусть выкупят как можно скорее» (III, 13). Формулировка с юридической точки зрения весьма несовершенная и допускает возможность злоупотребления, но как предупреждались подобные злоупотребления — судить трудно.

Рассматривая установления Каутильи, имеющие целью ограничить превращение свободных в рабов, необходимо помнить, кого именно эти ограничения защищают: «Не преступление для млечхов продавать или закладывать потомство, но арий не может быть рабом». Следовательно, Каутилья защищает от обращения в рабство не свободных вообще, а только определенную часть этих свободных.

Все законодатели древней Индии весьма много внимания уделяют долговому праву. Твердо устанавливается нерушимость и преемственность долговых обязательств. Так, Каутилья устанавливает: («Долг), уплата которого не ограничена временем или местом, пусть уплатят сыновья, внук или другие наследники, получающие наследство»². Устанавливается процент с залогом и без залога и т. д.³

В том случае, если должник не мог уплатить долга в срок, он должен был его отработать. Об этом говорится, например, у Ману: «Пусть должник уплатит долг кредитору даже работой, если он равной или более низкой касты, но если более высокой, пусть отдает постепенно» (VIII, 177). Ману устанавливает здесь весьма важный принцип, по которому кредитор не мог заставить отработать долг должника более высокой касты, чем он сам.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни у Ману, ни у Яджнавалкьи должник, отработывающий долг, рабом не называется. И хотя у Нарады упоминается *gnātprāpta* (букв. «полученный из-за долга») как один из *dāsa*, но надо иметь в виду особенности этого древнеиндийского термина. В Риме неоплатный должник по решению суда подлежал продаже в рабство за пределы страны и становился пожизненным рабом (*addictus*); в Индии же решение суда обязывало должника только оплатить свой долг работой.

¹ Ману, VIII, 323; Каутилья, III, 17; IV, 10.

² III, 1. Сходным образом этот принцип выражен и у Ману, VIII, 166. То же у Васиштхи, XVII, 1; Вишну, VI, 36 (здесь и дальше цитирую по изд. «Institutes Vishnu», «The sacred books of the East», VII, Oxf., 1880) и Яджн., II, 50.

³ Каут. III, 11; Ману, VIII; Яджн., II; Васиштха, II, 54; Гаутама, XII (здесь и дальше: «The sacred laws of the Āryas», «The sacred books of the East». II, ч. 1, Oxf., 1887), Баудх., I, 5, 10

Ближе к положению раба было положение *āhitaka* — заложенного, который, однако, сохранял право на выкуп и имел возможность использовать это право.

У многих народов существовал обычай, по которому спасший кого-либо от смертельной опасности получал право на спасенного. В известной мере это имело место и в древней Индии. Характерно, что Каутилья считает необходимым ополчиться против кабальных сделок: «Находящийся в опасности от реки, потока, пламени, диких зверей, когда спасен — срочно призвав спасение даянием всего имущества, сына, жены и себя самого — пусть дает плату, установленную знающими людьми» (III, 13). Для того чтобы не было никаких неясностей относительно сферы применения этого закона, Каутилья считает необходимым тут же добавить: «Это относится ко всем случаям, связанным с дарами, сделанными впадшими в бедствие». Наличие таких ограничений свидетельствует о значительном влиянии общинных и племенных обычаев даже на государственных деятелей типа Каутилья.

В древней Индии раб-военнопленный назывался *dhvajāhṛta* — «захваченный под знаменем», или *yuddhargṛta* — «захваченный в битве». Эти термины означают только захваченных в плен, непосредственно участвовавших в битве, а не мирное население, захваченное в результате войны. У Мегасфена имеется следующее интересное место: «...Если между индийцами начинается междоусобная война, то воинам не разрешается касаться земли или опустошать ее; но в то время, как они воюют между собой и убивают друг друга как придется, земледельцы рядом с ними спокойно пахут, выжимают виноград, снимают плоды или жнут» (Агр., Ind., XI). Однако данные индийских источников дают достаточное основание для того, чтобы считать, что Мегасфен погрешил против истины; в частности, у Каутилья неоднократно упоминаются грабежи, разорения и опустошения и не только от вражеских войск, но и от своих (IX, 2 и VII, 4). В XIII скальной надписи Ашоки рассказывается о его войне с Калингой. Эта война принесла громадные несчастья побежденным и опустошила их страну. «Сто пятьдесят тысяч человек было угнано (*aravudhe*), сто тысяч было убито и во много раз большее число погибло» (CII, I, стр. 66—68). Но неясно, были ли эти угнанные мирным населением или военнопленными: у нас нет даже уверенности в том, что все эти угнанные люди стали рабами. Ману, говоря о правилах раздела захваченной добычи, предписывает: «Колесница, лошадь, слон, зонтик, деньги, зерно, скот, женщины, все вещи и недрагоценные металлы — это того, кто побеждает» (VII, 196). Здесь *striyaṅ* только женщины, но комментаторы считают необходимым объяснить, что речь идет о рабынях¹. В качестве примера можно привести также и свидетельство Джатак. Несмотря на наличие большого числа рассказов (более двадцати) о войнах между царями, мы не встречаем ни одного упоминания даже о рабах-военнопленных, не то что об обращении в рабство мирного населения. Мы не знаем в древнеиндийской литературе разбираемого нами периода упоминаний о превращении в рабство целых народностей. Мы не имеем также никаких примеров этнических различий между рабами и ни одного упоминания об этнической принадлежности того или иного раба; имена рабов, например, ничем не отличались от имен свободных².

{ В сочинении «Плавание вокруг Эритрейского моря» Псевдо-Арриана }

¹ См. в «The Laws of Manu», transl. by G. Bühler, Oxf., 1886 («The sacred books of the East», XXV).

² В Джатаках — Nanda, Nandagopā, Kaṭahaka, Vāsudeva и т. д.

(II в. н. э.) упоминается порт Боригаза (Bhṛgukaccha) как место, где можно купить рабов: но для времени Маурьев нет данных ни о ввозе в Индию, ни о вывозе из нее рабов.

Рабство было также наказанием за преступления. Это явление довольно обычное и встречается во многих государствах древнего мира. В Индии такие рабы встречаются под различными названиями: *daṇḍadāsa*, *daṇḍarāṇita*, *daṇḍarpatikārin*. У Нарады встречаются также *pravrajyāvasita* — давший обет нищенства и не живущий согласно этому обету. О нем решительно отзывается Яджнавалкья: «Давший обет нищенства и не живущий по этому обету — раб царя до самой смерти» (II, 183). Преступления, за которые полагалось такое наказание, различны по своему характеру. Царскими рабынями делались незамужние женщины развратного поведения (Каут., IV, 2). Такое же наказание в несколько видоизмененном случае предписывает и Ману: «Девушку, даящую любовью высокорожденного, пусть не заставляют платить ничего, но любящую человека низкорожденного пусть заставят жить заточенной в доме у себя» (VIII, 365). Они приравнивались к проституткам, которые все считались рабынями царя; среди царских чиновников был специальный чиновник (*gaṇikādhyakṣa*), в ведении которого они и находились, если не пребывали при дворе царя; доход с этой царской монополии был, видимо, значительным, если судить по тому, какое внимание уделяет ей в своем трактате Каутилья. Дети *gaṇika* также были рабами. В Джатаке № 31 рассказывается об интересном случае наказания обращением в рабство. В одном из селений деревенский старшина оклеветал жителя деревни Магху и его товарищей, сообщив царю, что они занимаются разбоем. Когда царь убедился в том, что это обвинение является ложным, а обвиняемые — образец добродетели, он отдал им всю собственность клеветника и сделал его их рабом. В Джатаке № 542 приведенные к царю на расправу купцы умоляют его подарить их кому угодно как рабов, но только пощадить их жизни. Известно также, что па работу в рудники мог быть послан брахман в том случае, если он совершил преступление, за которое члену всякой другой варны грозила смертная казнь (Каут., IV, 8). Как карательную меру в борьбе с недовольными и мятежными элементами Каутилья упоминает и ссылку на работы в рудники (I, 13). Присуждались к работам в рудниках также воры, совершившие, с точки зрения царя, наиболее опасные кражи (Каут., II, 12). Но нигде не упоминается о том, что они становились рабами.

В тех случаях, когда приговоренный судом к денежному штрафу не в состоянии был уплатить его, он должен был уплачивать штраф работой: «Приговоренный к денежному штрафу пусть уплатит штраф работой». (Каут., III, 13). Это подтверждается и у Ману с тем различием, что делается исключение для брахманов: «Но кшатрий, вайшья и шудра, не могущие уплатить штраф, пусть платят, что полагается, работой: брахман пусть платит мало-помалу» (IX, 229). *Daṇḍarāṇita* Каутилья считает *dāsa*. Но рабом его считать нельзя. По точному смыслу приводимых отрывков он работал столько времени, сколько было необходимо для отработки штрафа. У нас нет никаких данных о том, что он был обязан чем-либо большим, кроме своей работы. Возможно, что *daṇḍarāṇita* и *daṇḍarpatikārin* могли попадать в зависимость не только от государства, но и от частного лица, если суд устанавливал в его пользу штраф, возмещение убытков и т. д. По очень часто неясно, когда правонарушитель платил правительству, а когда частному лицу, так как в обоих случаях термин для штрафа один и тот же — *daṇḍa*.

Рассмотрев обстоятельства превращения свободных в рабов, обратимся теперь к условиям их освобождения. При желании и при возможности раб имел право выкупиться в любое время, и хозяин не имел права

ему в этом препятствовать. Так, Каутилья устанавливает: «Пусть (раб) получит свободу (*āyatva*) уплатой стоимости» (III, 13). При этом он считает необходимым подчеркнуть, что право раба на выкуп носит общий характер, независимо от того, каким образом он был поработен: «Это касается урожденных и заложных рабов» (там же). Установление суммы выкупа также не зависело от произвола хозяина; мы имеем на этот счет определенные указания: «А сумма выкупа равна его (раба) стоимости» (там же). Отказ предоставить свободу после получения выкупа наказывался: «На неделяющего раба свободным (*āyā*) по получении соответствующего выкупа — штраф 12 пан; задержание его у себя влечет такой же штраф» (там же). Наказание невелико, но важен принцип наказуемости этого деяния. Однако этот вопрос далеко не ясен. Так, например, неясно, какую именно стоимость раба имеет в виду Каутилья, когда он говорит об урожденном рабе, хотя он и говорит о ней как о чем-то определенном.

Тому, кто добровольно сам или вместе с семьей стал *dāsa*¹, достаточно было заявить хозяину о своем желании оставить его; никаких других условий Каутилья не предусматривает: он получает обратно также все свое имущество². Такого *dāsa* вряд ли можно считать рабом.

Менее ясны условия освобождения рабов-военнопленных. О них говорится у Каутилья следующее: «Свободный (*āyārgāṇa*), захваченный под знаменем, пусть освобождается соответственным временем работы или половиной стоимости» (III, 13). Можно предполагать, что «половина стоимости» — это половина стоимости урожденного раба; однако далеко не ясно, как устанавливалась последняя. Неясно также, что это за «соответственное время работы» (*karṃakālānugra*).

У Ману и ранних законодателей нет ничего о порядке освобождения от рабства. Поэтому не лишне будет обратиться к более поздним источникам, которые по содержанию, однако, тесно примыкают к «Артхашастре» и «Законам Ману». У Яджнавалкьи есть один стих, посвященный отпуску рабов на волю: «Освобождается (парем) сделанный рабом насильно, а также проданный разбойниками; вследствие отказа от пищи, а также вследствие его выкупа» (II, 182). Сделанный рабом насильно или проданный разбойниками должен был освобождаться царем без всякой компенсации. Освобождаемый «вследствие отказа от пищи», очевидно, *bhaktadāsa* — «раб за пищу»; отказ его от приема пищи хозяина считается, следовательно, достаточным для его освобождения. Яджнавалкья, говоря об освобождении в результате выкупа, не устанавливает размера этого выкупа. Некоторые весьма важные добавления дает Нарада. Так, после перечисления своих 15 видов рабов он, так же как и Яджнавалкья, устанавливает, что обязанностью царя является отпуск на волю тех рабов, которые были обращены в рабство насильно или проданы разбойниками; его 15 видов рабов даже не включают этих последних, поскольку превращение их в рабство — действие незаконное (V, 36). Устанавливается также (V, 27), что рабы *grhajāta* (рожденный в доме хозяина от рабыни), *krta* (купленный), *labdha* (полученный в дар) и *dāyādūpāgata* (полученный в долю наследства) не могут быть освобождены иначе, как по добровольному согласию хозяина: мы только что видели, что у Каутилья подобного ограничения нет. Но тот из них, кто спасал жизнь хозяина, так же как у Яджнавалкьи, имел право на освобождение; Нарада предписывает даже обязательность его усынов-

¹ *ātmadātar* — «дарящий себя», у Каутилья; ему, возможно, соответствует *tāvāhamityupagata* — «прителный со словами: я твой» у Нарады.

² «Пусть (хозяин) восстановит все имущество, сына, жену, его самого, если он, дав, сожалеет (об этом)» (III, 16).

ления и установления ему доли в наследстве (V, 27). Тот, кто продал сам себя, считался худшим из рабов, мог быть освобожден только по желанию хозяина (Нарада, V, 35). Однако не мог быть освобожден «отступник» — *grahgajūvasita*, давший обет нищенства и не исполняющий его; это преступление считалось таким, которое не могло быть искуплено (V, 33). Раб, который получал питание во время голода (*annākālabhṛta*), освобождался уплатой пары быков (V, 28). В этом его отличие от *bhaktadāsa*, который освобождался, как уже упоминалось ранее у Яджнавалкьи и как это подтверждается у Нарады (V, 29), в результате простого отказа от пищи хозяина; причина этого отличия заключается, вероятно, в том, что прокормление раба во время голода обходилось дороже, чем в обычное время, и труд раба мог и не оправдать расходов на его содержание.

Раб на определенный срок — *kālakṛta* становился свободным по истечении этого срока (V, 31). Тот, кто стал рабом вследствие своей брачной связи с рабыней (*vaḍavābhṛta*), перестает быть рабом после разрыва этой связи (V, 34).

Церемония освобождения описана у Нарады¹. Хозяин, отпускающий раба, должен был в присутствии свидетелей снять с плеча раба сосуд с водой и разбить его. Облив голову раба водой, содержащей рис и цветы, и назвав его «свободным», хозяин должен был отпустить его с лицом, обращенным к востоку.

Рабы-заложники и рабы-должники получали свободу уплатой суммы денег, взятых ими, с процентами (Нарада, V, 30, 31). Интересен стих V, 32: «Пришедший со словами «я твой», захваченный в битве, кто получен благодаря выигранному пари — те пусть восстанавливают свою свободу дачей заместителя, равно способного к труду» (V, 32). Таким образом, или *tavāhamityupagata* («пришедший со словами «я твой») не совсем совпадает с *ātmadātar* («дарящий себя»), или различия в отпуске на свободу объясняются хронологическими и местными различиями между трактатом Каутильи и сборником Нарады. Различны также и условия отпуска на волю военнопленных; «заместитель, равно способный к труду», у Нарады не равен «половине стоимости» у Каутильи.

О дальнейшей какой-либо зависимости от хозяина отпущенного на свободу мы ничего не знаем. Только в Махабхарате упоминается о том, что отпущенный на свободу должен почитать своего бывшего хозяина, как ученик своего гуру²; если это и считать *obsequium*, то все же нет ничего, что указывало бы на *officium* и *orega*. Мы не знаем также, чем отличался освобожденный раб от других свободных в их отношении к государству. Трудно себе представить, чтобы прослойка вольноотпущенников не нашла своего, хотя бы и ограниченного, места в древнеиндийском законодательстве, если бы она существовала; а между тем места ей не нашлось, и термина такого в санскритском языке нет.

Рассмотрим теперь, какова была сфера применения рабского труда в древней Индии.

Основной отраслью экономики в рассматриваемую эпоху истории Индии было сельское хозяйство. В «Артхашастре» имеются многочисленные данные, на основании которых можно судить о методах ведения сельского хозяйства в древней Индии, о положении производителей материальных благ и т. д. Но эти данные касаются главным образом царского хозяй-

¹ Изложение этого обряда дано у Ch. A n a n d, *An introduction to the history of government in India*, Lahore, 1924, стр. 285.

² «The Cambridge history of India», I, стр. 270.

ства; о хозяйстве сельских общинников говорится обычно только в их отношении к царю.

Однако хозяйство самого царя, видимо, не имело большого удельного веса: управляющий этим царским хозяйством — «смотритель над сельским хозяйством» (*sītādhyakṣaḥ*) вовсе не был чиновником высокого ранга; это видно по тому, что он стоял на одном уровне с такими чиновниками, как смотрители над бойнями, колесницами и т. д., а также по его относительно невысокому жалованью (Каут., V, 3). То, что относится к личному хозяйству царя, изложено в 24-й главе II книги «Артхашастры» — «Смотритель над сельским хозяйством» (*sītādhyakṣaḥ*). В этой главе говорится о подготовке к севу, о проведении сева, об уборке. Говорится и о тех, кто должен исполнять эти работы: «Его (царя) землю, многократно вспаханную, пусть (смотритель над сельским хозяйством) засеивает посредством рабов, наемных работников и обрабатывающих штраф» (Каут., II, 24).

Однако, как видно из 29-й главы II книги «Артхашастры», в животноводстве царского хозяйства рабский труд не применялся. Стада царских коров или паслись за плату, или сдавались пастухам в аренду. По условиям обслуживания эти стада делились на три группы: 1) пасомые за жалованье (*vetanopagrāhika*); 2) пасомые за установленное количество молочной продукции (*karapratikara*); 3) пасомые за долю продукции (*bhagānupraviṣṭa*). Во всех трех случаях речь идет несомненно о работающих по договору на определенных условиях, что доказывается и подробным регулированием других вопросов, касающихся взаимоотношений сторон (штрафы за небрежное или грубое обращение со скотом, возмещение убытков, расходы на лечение скота и т. д.)¹.

Обработку сельскохозяйственной продукции, полученной от царского хозяйства, Каутилья называет *śimhanika*: «*śimhanika* — это работа по обрушиванию и очищению (зерна и т. д.) (изготовлению) ячменной муки, хмельных напитков, пшеничной муки с использованием живущих этим (ремеслом), выжимание масла, использование имеющих дело с шерстью, маслобоев и производство сока сахарного тростника» (Каут., II, 15). «Живущий этим» (*tajjivana*) — это тот, для кого вышеупомянутые работы (обрушивание зерна, помол и т. д.) являются основной профессией, следовательно, они могут считаться сельскими ремесленниками. Это нам объясняет тот факт, что Каутилья ни разу не упоминает о царских мельницах, маслобойках, сахарных заводах и т. д.

Таким образом в царском хозяйстве наряду со свободными работала и рабы, и, повидимому, в значительном числе, хотя точно установить в каком именно — невозможно. Однако других примеров применения труда рабов в крупных хозяйствах мы не имеем. Для правильной оценки существовавшего положения весьма ценны известия греческих авторов. Вот как Арриан передает впечатления Мегасфена: «...Второй класс (населения) составляют земледельцы; по числу — это самые многочисленные из индийцев. У них нет военного оружия, и они не интересуются военными делами, а возделывают землю и платят налоги царям или тем городам, которые автономны (Arr., Ind., XI).

Сходную картину дает и Страбон: «Второй разряд индийцев составляют земледельцы, класс наиболее многочисленный и честный; они освобождены от военной службы, их работы не нарушаются ничем; они не ходят в город, не занимаются никакими иными делами, не несут никаких общественных повинностей. Вот почему случается, что в одно и то же время, в одной

¹ Наряду с ведением латифундального хозяйства на царских землях эти земли сдавались также и в аренду (Каут., II, 24). Сдача земель в аренду, а также сдача в аренду стад скота практиковалась и частными лицами. См. у А п а с т а м б ы, II, 11, 28; 1—3; и у Апастамбы речь идет о свободных арендаторах — не рабах.

и той же области солдаты стоят против неприятелей и вступают с ними в битвы, а земледельцы пахут или копают землю вне всякой опасности, потому что за них сражаются воины. Вся земля принадлежит царю; земледельцы обрабатывают ее за плату, именно за четвертую часть сбора» (Strabo, XV, I, 46). И далее опять при описании обязанности чиновников, называемых Мегасфеном агорономами, Страбон говорит, что они «...смотрят также за реками, меряют землю, как в Египте, наблюдают за закрытыми канавами, из которых вода распределяется по проводным трубам, причем агорономы наблюдают за тем, чтобы всем доставалось одинаковое количество воды. Их же ведению подлежат охотники, награждаемые или наказываемые по заслугам. Они собирают подати, наблюдают за способами земледелия, равно как за дровосеками, плотниками, слесарями и рудокопами» (XV, I, 50). Индийцев, занимающихся скотоводством, так же как, вероятно, и остальные кочевые племена, греческие авторы выделяют в особую категорию: «Третий класс у индийцев пастыри, пастухи овечьих стад или крупного рогатого скота; эти не живут ни в городах, ни в деревнях. Они кочевники и ведут жизнь по горам; и эти вносят подати с принадлежащих им стад. Они охотятся по всей стране на птиц и на диких животных» (Agr., Ind., XI). «Третий класс населения — пастухи и охотники; им одним дозволяется охотиться и пасти скот, продавать его и нанимать. За то, что избавляют землю от хищных зверей и от птиц, поедающих зерна, они получают от царя хлеб; жизнь ведут скитальческую, в шалашах» (Strabo, XV, I, 41).

Таким образом, в описаниях греческих авторов нет ни одного упоминания о латифундальных хозяйствах с большим числом рабов. Несомненно, рабы были и в индийской деревне; это видно из перечисления того, что должно учитываться в деревне. «А в них (в домах должно быть описано) число (жителей) четырех варн и число земледельцев, пастухов, купцов, ремесленников, наемных работников, рабов, лошадей, (вообще всех) двуногих и четырехногих, установлено количество золота, обязательного труда, налогов и штрафов» (Каут., II, 35). В Джатаках мы также встречаем несколько раз упоминание о рабах у жителей деревни (№№ 330, 354, 520). Однако нет никаких данных, на основании которых можно было бы заключить о значительной роли рабского труда: упоминаемые в наших источниках рабы — это все подсобные работники или домашние слуги: в № 520, например, упоминается папуший хозяин и носящий ему в поле обед раб.

В земледелии древней Индии издавна большую роль играло искусственное орошение. Оросительные сооружения были самых различных масштабов, от искусственных озер и каналов до простых колодцев с переноской воды для полива на плечах. Возможно, что работа по поливу полей и огородов лежала в значительной мере на рабах, на что, возможно, указывает обряд снятия с плеча раба сосуда с водой и разбивания его в перемонии отпуска раба на волю. Но мы не имеем фактов, которые дали бы нам основание с уверенностью утверждать это. То же относится и к постройке таких общественных сооружений, как каналы, дороги, мосты и т. д. Очень легко предположить, что эти работы совершались рабами, в частности военнопленными, но очень трудно доказать это ввиду отсутствия определенных фактических данных. Те же немногочисленные отрывочные данные, которые имеются, не могут служить подтверждением этого. Одно место в «Артхашастре» (II, 35) дает повод думать, что обязанность производить общественные работы государственного масштаба лежала на общинниках. Деревни, платящие налог «обязательным трудом» (*viṣṭi*), вероятно, и поставляли рабочую силу для строительства общественных общегосударственных сооружений. Но можно допустить, что при определенных условиях для таких работ привлекалось и все другое сельское население.

Все эти отрывочные данные, разумеется, недостаточны также и для того, чтобы отрицать полностью применение в общественных работах (общинных или государственных) труда рабов, да никто, вероятно, и не станет делать этого.

С точки зрения применения труда рабов в древней Индии вообще и в промышленном производстве в частности характерными должны быть царские мастерские.

Наиболее полно в интересующем нас отношении описана в «Артхашастре» царская прядильно-ткацкая мастерская — *sūtraśāla*. Нас будут в первую очередь интересовать те, кто работал в этой мастерской. «Пусть смотритель над пряжей заставляет делать людей соответствующей специальности изготовление доспехов, одежды и канатов из пряжи» (Каут., II, 23). «Люди соответствующей специальности» (*tajjātaruṣa*), которые являются, как мы увидим после, ремесленниками, производят окончательную продукцию. Кем производилось изготовление полупродукта — пряжи, объясняется дальше: «Пусть используют в прядении шерсти, мочалы, хлопка, конопли и льна — вдов, увечных женщин, девушек, нищенок, выкупающих штраф работой, матерей проституток, старых рабынь царя и отпущенных храмовых служанок» (Каут., II, 23). Принцип оплаты был установлен общий для всех: «Пусть (смотритель) устанавливает оплату, принимая во внимание тонкость, грубость и среднее качество пряжи и (исходя) из большого или малого количества (выхода) ее» (там же). Что речь идет о насмном труде, подтверждается и дальнейшим текстом: «По праздникам они должны быть оставляемы на работе наградами и почестями» (там же). Время получения этой платы фиксировалось, и за нарушение установленных сроков смотритель серьезно наказывался: «При пропуске срока уплаты жалованья — средняя степень штрафа; такое же наказание при уплате жалованья за неделанную работу» (там же). Тяжелые наказания налагались и на работницу: «Пусть заставит сделать отрезание пальца у неделающей работу, если она уже получила оплату. (То же наказание) на расточающих (материал), крадущих и убегающих» (там же). Калечение, как наказание, показывает, что работающие в мастерской не могли быть рабами; лишение или ограничение трудоспособности в качестве наказания для рабов было бы бессмысленным. В случае нанесения какого-либо материального ущерба работница должна была возместить этот ущерб; обычными были вычеты из жалованья, на что прямо указывает Каутилья: «Соответствующий (ущербу) штраф — из жалованья рабочих» (там же).

Изготовление конечной продукции из пряжи лежало на специальных людях (*tajjātaruṣa*), о которых Каутилья говорит еще в начале главы.¹ Дальше он определенно приравнивает их к ремесленникам (*kāru*). Весьма вероятно, что работали они дома на своем станке, но из материала, предоставляемого им царской мастерской¹. Все связанные с этим обязанности (выдача пряжи и прием готовой продукции) лежали также на «смотрителе над пряжей»: «Пусть (смотритель) исполняет работу (по изготовлению одежды и т. д.) производящими продукцию (в соответствии с) установленным объемом работы, временем и жалованьем², а также ремесленниками и пусть проверяет каждое изделие» (там же).

¹ Ремесленник должен был отрабатывать в пользу царя один день в месяц. Не имело смысла призывать его на работу один раз в месяц в царскую мастерскую.

² «Производящий продукцию в соответствии с установленным объемом работы, временем и жалованьем» (*kṛtakarma gramānakāla vetanaphalanisṛatti*) — вероятно, установившаяся формула для работающих по найму, так как она встречается у Каутильи дважды (II, 23; II, 48) и каждый раз обозначает договорные условия для лиц, работающих на царя;

В мастерской государственного золотых дел мастера, если судить по описанию Каутильи (II, 14), рабы, как рабочая сила, также не использовались. Работающие в этой мастерской называются или «мастеровыми» (*āveṣaṇin*), или «работающими по золоту» (*suvarṇakāra*); что они не были рабами, следует из имеющихся в этой главе правил, касающихся этих работников: при несдаче в срок работы оплата ее снижалась на $\frac{1}{4}$ и работник уплачивал штраф; за невыполнение условий по качеству работник также штрафовался.

Имеется основание считать, что в царских оружейных мастерских дело обстояло подобным же образом, так как «смотрителю над арсеналом» (*āyuddhāgārādhyakṣa*) предписывается производить колеса, оружие, доспехи и другие орудия, применяемые в войне «(посредством) специализированных ремесленников и художников, производящих продукцию в соответствии с установленным объемом работы, времени и жалованья» (Каут., II, 18). И здесь мы встречаем сложный термин — *kṛtakarmāraṃgamaṇakālaveta-parhalaṇiṣṭpati*, который, по нашему мнению, означает работающего на договорных началах.

На основании приведенных данных следует считать, что большинство работников царских мастерских не были рабами. От нас, возможно, ускользают некоторые важные специфические особенности в положении этих работников; на существование этих особенностей указывает, например, суровость наказаний за различные проступки, наличие в числе свободных работников таких, как «отрабатывающая штраф», «старая рабыня царя» и др., но все же основные работники в царских мастерских не были рабами.

Рассказывая о семи классах, на которые, по его мнению, делилось население древней Индии, Мегасфен, в изложении Арриана, сообщает: «Четвертый класс — ремесленники и купцы. И эти работают на пользу государства и уплачивают налоги со своих работ, исключая тех, кто изготавливает военное оружие. Эти даже получают жалованье от государства¹. В этом классе числятся также строители кораблей и матросы, которые плавают по рекам» (Арт., Ind., XII). У Страбона, излагающего Мегасфена, положение ремесленников описывается сходным образом: «За охотниками и пастухами следуют, по его словам, как четвертый класс населения, ремесленники, торговцы и все те, которые занимаются ручной работой. Одни платят подати и несут установленные повинности, а мастера оружия и кораблестроители получают плату и содержание от царя, на которого только и работают» (XV, I, 46).

Ремесленники часто упоминаются в Джатаках. Мы встречаем там целые деревни со стандартным числом дворов — 500 или 1000 (№№ 156, 387), населенные кузнецами, плотниками и т. д. Всегда это — мелкое ремесленное производство; мы не имеем ни одного упоминания об использовании ремесленниками труда рабов. Но хотя подобных упоминаний и нет, но можно допустить эпизодическое их использование; для массового же применения труда рабов не было соответствующих условий, не было крупных мастерских типа греческих эргастериев.

Относительно работающих в рудниках имеются некоторые данные в 12-й главе II книги «Артхашастры». При тогдашнем уровне техники условия труда в рудниках должны были быть очень тяжелыми, поэтому большинство работающих в рудниках работало там по принуждению. Но и в связи с работами в рудниках *dāsa* не упоминается ни разу; лиц, осужден-

¹ Утверждение, что оружейники работали только на царя, вероятно, не совсем точно. В одной из Джатак (№ 162) рассказывается об оружейниках, которые давали взятки жуликоватому брахману с тем, чтобы тот рекомендовал их изделия царю, как «счастливые».

ных на работы в рудниках, как уже упоминалось ранее, невозможно назвать рабами, так как для этого нет достаточно данных в источниках. В рудниках работали и свободные, которых Каутилья называет *kaṃkaṃga* — «наемный работник» или *ākaṃika* — «горнорабочий»; последние были тоже наемными работниками, что видно из факта наложения на них крупных денежных штрафов за кражи. Какие были взаимоотношения между свободными работниками и заключенными — неясно. Если даже заключенных и было большинство, то все же невозможно утверждать, что рудники были предприятиями специфически рабовладельческого характера.

В военных отрядах телохранителей царя были и рабы, вернее, рабыни: древнеиндийские цари издавна окружали себя гвардией из амазонок. О такой страже сообщает и Каутилья (I, 24), хотя он и не упоминает, из кого она вербовалась. Греческие же авторы называют их женами царя и говорят, что они покупались царем у их родителей (Strabo, XV, I, 55).

Использование рабов в домашнем хозяйстве как слуг и подсобных рабочих было наиболее обычным применением рабского труда в древней Индии. Дворцовый штат был весьма велик и разнообразен. В «Артхашастре» упоминается большое число различных специализированных слуг — повара, банщики, цирюльники, туалетные слуги, актеры, танцоры, певцы, музыканты, поэты, а также множество подсобных рабочих в царском хозяйстве — метельщики, сторожа, носильщики, мелкие служащие, кучера, конюхи и т. д.¹ И хотя рабы при этом упоминаются редко, но, вероятно, они составляли значительную их часть. Среди этих слуг также должно было быть и некоторое число свободных, так как наказание на них устанавливается Каутилей в виде вычетов из жалованья (Каут., там же). В богатых частных домах использование рабов как домашних слуг также было обычным явлением. Вся 13-я глава III книги «Артхашастры» исходит в определении отношений между хозяином и рабом в первую очередь из того, что раб является по преимуществу домашним слугой. Если мы обратимся к данным Джатак, то увидим подтверждение того положения, что основной сферой применения рабского труда было домашнее хозяйство. Хотя рабы встречаются в Джатаках неоднократно²; но мы не находим ни одного упоминания об использовании труда рабов в производстве, сельском хозяйстве или ремесле; почти все рабы, о занятии которых можно составить себе представление на основании прямых или косвенных данных, были домашними слугами.

В положении древнеиндийских рабов было много сходного с положением их в странах античности, но были и значительные различия.

Хозяин мог продавать и закладывать своего раба. Продажа или заклад раба по форме мало отличались от сделок подобного рода с другой движимой собственностью. В торговых сделках рабы, бывшие предметом этих сделок, рассматривались наравне со скотом; в отличие от «четвероногих» (*catuṣpāda*) они при перечислении товаров назывались «двуногими» (*dvipāda*). Правила торговли рабами, как и другими товарами, устанавливались правительством, которое принимало на себя ее регламентацию и наказания за несоблюдение этой регламентации. При продаже раба следовало объявлять данные, которые необходимо было знать покупателям; умолчание о дефектах, относящихся к здоровью раба, со стороны продавца наказывалось (Каут., III, 15). Древние индийские законодатели устанавливали и гарантийный срок, в течение которого покупатель имеет право вернуть

¹ Каут., II, 15 и 30—32. См. также описание царского двора у Курция, VIII, 9.

² №№ 4, 6, 14, 34, 39, 78, 92, 102, 125, 127, 181, 220 и др.

купленного раба как не соответствующего объявленным качествам¹. При мошенничестве с залогом рабов сделка признавалась недействительной (Каут., III, 13).

В торговых сделках, объектом которых являлся раб, был целый ряд ограничений, которые отличают древнеиндийское рабство от античного. Так, например, Каутилья устанавливает, что раб не мог закладываться многократно (III, 13). Продавать малолетнего (до 8 лет) раба в другую страну можно было только вместе с его родными. Не разрешалось продавать беременную рабыню (Каут., III, 16). Такие мероприятия ограничивали торговлю рабами, тормозили развитие рабства. Нельзя согласиться с мнением Банерджи², что эти ограничения были фактической отменой работорговли: этому противоречит установление Каутильей пошлин при торговле «двуногими» в $\frac{1}{20}$ или $\frac{1}{25}$ их цены наравне с другими товарами (II, 22) и упоминание о *kr̥ta* «купленных рабах» (см. выше). Но что работорговля не была очень развитой, это с некоторой уверенностью утверждать можно; так, например, в санскритском языке отсутствуют специальные термины, обозначающие «работорговлю», «работорговцев», «рынок рабов», «аукцион рабов» и пр. Немаловажным свидетельством этого является и то, что если вообще торговля считалась недостойным делом для членов высших каст, то торговля рабами — наиболее предосудительной из всех ее видов³. У древних римлян самые знатные из них не считали для себя позорным «разводить» рабов на продажу, а Калигула сам продавал своих рабов с аукциона.

Интересно в данной связи коснуться вопроса о ценах на рабов. У Каутильи (III, 16) и Яджнавалкьи (II, 147), при рассмотрении вопроса о восстановлении хозяином своих прав на утерянную или похищенную собственность, указывается, что выкуп за раба должен быть на $\frac{1}{4}$ больше, чем за лошадь, в $2\frac{1}{2}$ раза больше, чем за буйвола или корову, и в 20 раз больше, чем за овцу или козу. Эти цифры можно принять как показатель относительной ценности выкупаемого. Для сравнения можно указать, что в Греции в середине IV в. до н. э. лошадь стоила в 3—4 раза больше, чем раб-ремесленник. Следовательно, в Индии рабы стоили гораздо дороже, чем в Греции.

Раба можно было, как и всякую другую вещь, украсть: за кражу накладывалось наказание, определяемое как *madhyadanda*, и соответствующее или отрезанию обеих ног, или денежному штрафу в 250—500 пан, или даже 600 пан (Каут., IV, 10).

Если судить по источникам, рабы в древней Индии могли иметь семьи. У Каутильи упоминаются мать, брат и сестра рабыни, сами являющиеся рабами (III, 13). Семьи рабов упоминаются также в Джатаках (например, № 454). У Каутильи имеется следующее установление: «Потомство продавшего себя пусть остается арийским» (III, 13)⁴. Это, видимо, значит, что потомство остается «арийским», если оно порождено отцом до продажи им самого себя, но не ясно, остается ли таковым потомство, порожденное им после продажи себя в рабство, даже если у него осталась свободной его жена. Интересно в связи с этим отметить, что в санскрите отсутствует выражение «сын раба»; имеется только термин «сын рабыни» (*dāsīputra*). В Джатаках (№ 39 и 377) как бранное выражение упоминается именно «сын рабыни».

¹ Каут., III, 15; Яджн., 177.

² N. Banerjee, *Slavery in ancient India*, «The Calcutta review», 1930, № 8.

³ Ману (X, 85, 86); А п а с т., I, 20—25 и Гау та ма, VII, 14.

⁴ У Каутильи слово *ārya* часто применяется в смысле «свободный». Это вполне согласуется с обычным противопоставлением слов *ārya* и *dāsa*.

В Греции и Риме одной из основных особенностей, характеризующих положение раба, является непризнание за рабом права на собственность; положение, что человек, потерявший право на себя, потерял право и на принадлежащую ему собственность, характерно для идеологии развитого рабовладельческого общества¹. В Индии этот принцип не мог иметь столь определенного вида вследствие того, что в основном рабы были не военнопленными, не чужестранцами, а соплеменниками, и они не могли быть полностью вырваны из своей семьи, готры и общины².

Общий принцип, что раб не может иметь собственности, установлен у Ману в следующих словах: «...Так как у него (раба) нет никакой собственности, то это имущество должно быть забираемо хозяином» (VIII, 417); однако, если обратить внимание на предыдущий стих, то это утверждение покажется не столь категоричным: «Жена, сын и раб — трое объявлены не имеющими собственности; что они приобретают — это имущество того, кому они принадлежат». Дело в том, что если сын что-либо зарабатывал без помощи отца или принадлежавшего отцу имущества, заработанное принадлежало только ему³. Что же касается замужних женщин, то они определенно обладали собственностью — у самого же Ману вопросу об этой собственности посвящен ряд статей⁴. Так, наследниками имущества замужней женщины являются ее дети, даже если она умерла раньше мужа; только в случае отсутствия у нее детей наследником жены был муж, а при некоторых формах брака после смерти жены собственность ее возвращалась к ее родственникам.

Каутилья признает за рабом не только право иметь собственность, но и право умножать ее при определенных условиях: «Пусть (раб) получит добытое лично им самим, без ущерба для работы на хозяина, а также наследство и подарок» (III, 13). К сожалению, отсутствуют некоторые необходимые подробности, и потому нам трудно себе представить, каким образом раб на практике использовал свое право работать и на других, помимо хозяина, и быть полным собственником заработанного на стороне. Если определение того, в какой мере эта работа на стороне приносит ущерб хозяину, было делом самого хозяина, то возможности ее могли быть ограниченными, поскольку они зависели от такого непостоянного фактора, как каприз хозяина; возможно, что существовали неизвестные нам нормы обычного права. Как бы то ни было, но важно уже то, что Каутилье пришлось касаться этого вопроса и решать его так, как приведено выше. Важно также признание за рабом права на наследство и собственности на получаемые дары. Имущественные права рабов не только провозглашались, но и охранялись. Так, Каутилья устанавливает: «На отнимающего имущество у раба и на лишаящего (его) положения ария — половина штрафа» (III, 13). О лишении раба «положения ария» будет сказано ниже, но в отношении собственности смысл фразы ясен — собственность раба не является собственностью хозяина. Это подтверждается еще и следующим важным установлением: «Наследниками имущества раба являются родственники; в отсутствие их — хозяин» (Каут., III, 13). Этим установлением подтверждается также и то, что свободный, становясь рабом, не терял своих семейных, родовых и кастовых связей. Неясным остается размер денежного

¹ Inst. Iust., II, 9, 3: «Раб, находящийся во власти другого, сам не может иметь ничего своего».

² В Риме это обстоятельство также играло значительную роль. Так, раб-военнопленный, получив свободу, становился вольноотпущенником, но раб-должник (addictus) получал обратно свои права гражданина; будучи рабом, он все же сохранял свое родовое имя.

³ Я д ж н., II, 118.; Ка у т., III, 5.

⁴ М а н у, IX, 194—199; ср. Ка у т., III, 5.

штрафа, накладываемого на хозяина за превышение своих прав на собственность раба. Указано только, что он должен быть равен «половине штрафа» (ardhadāṇḍa). Вероятно, это 6 пан, так как обычным штрафом, упоминаемым у Каутильи, является 12 пан.

Раб не мог выступать на суде как свидетель в чужом деле; сделки, заключенные им от лица хозяина, также считались недействительными¹. Но в этом отношении он не отличался от неполноправных членов семьи (младший брат, сын, жена и т. д.). Если раб имел собственность, можно предположить, что раб имел в связи с этим и некоторые права по отстаиванию своих имущественных интересов; но это предположение невозможно доказать ссылками на источники.

Поведение господина по отношению к рабу должно было быть различным в зависимости от категории, к которой принадлежал раб. Так, например, раб-заложник (āhitaka) охранялся от произвола хозяина в большей степени, чем другие: «При принуждении заложника обслуживать мертвеца, убирать нечистоты и остатки пищи, мыть голого, при избииении его, при насилии над женщиной-заложницей — потеря залога» (Каут., III, 13). Помимо того, что Каутильи устанавливает для рабов-заложников, подвергающихся вышеприведенным действиям хозяина, право ухода от него, он устанавливает еще и очень крупные денежные штрафы (там же). Серьезные ограничения произвола существовали и по отношению к некоторым другим видам рабов. Так, например, вышеупомянутые проступки по отношению к какому-либо другому рабу, кроме заложника, если раб высокого рождения, давали ему право ухода². Это вполне согласуется с приведенным ранее принципиальным положением: «На отнимающего имущество у раба и на лишаящего (его) положения ария — половина штрафа». Вероятно, это значит, что хозяин при использовании труда рабов должен был принимать во внимание его принадлежность к той или иной варне с тем, чтобы не заставлять делать нечистую для его варны работу, не заставлять есть запрещенную для его варны пищу и т. д.

Хотя и у Каутильи очень мало данных об отношениях между господином и рабом, но это почти единственные данные, которые вообще имеются. Древнеиндийская литература бедна в этом отношении. Мы совершенно не знаем некоторых важных сторон рабства в древней Индии; мы не знаем, как наказывался раб за преступления против своего господина; мы не находим ни единого намека на такие вопросы, как организация поимки беглых рабов, награды за их поимку, наказания за укрывательство и т. д. А ведь это все такие вопросы, которых не могли обойти даже гораздо более ограниченные по объему памятники древневосточного законодательства, такие, как «Законы Хаммураби» или хеттский судебник. Между тем и в Индии бегство рабов имело место. В Джатаках мы имеем по крайней мере три упоминания об этом (№ 4, № 125 и № 127). Розыск сбежавших рабов лежал, вероятно, только на хозяине; в Джатаках хозяева сами разыскивают своих сбежавших рабов; не видно, чтобы центральные или местные органы власти оказывали им какое-либо содействие. У Каутильи упоминается только о бегстве заложников. В случае, если заложивший самого себя убежал от хозяина, он переставал считаться заложником, а становился пожизненным рабом. Тому, кто не сам себя заложил, а был заложен другими, грозила та же участь, но после двухкратного побега. Если же он убегал в другую страну, то в этом случае он приравнивался к заложившему

¹ Каут., III, 1; Ману, VIII, 163; Яджн., II, 92.

² Там же; неясно, кого именно Каутильи подразумевает под abhiprajāta — «высокорожденный».

самого себя и становился пожизненным рабом уже после одного побега (Каут., III, 13).

То, что до нас дошло, трактует, как мы уже видели, главным образом об ограничении произвола хозяина по отношению к рабу в юридическом отношении. Но о бытовом и трудовом положении раба (о его рабочем времени, контроле над ним со стороны хозяина, о наказаниях и поощрениях и т. д.) мы имеем очень мало сведений. Однако при всей ограниченности наших данных есть основание думать, что и бытовые отношения между рабом и господином не были безразличны для правительства. Так, Каутилья предписывает: «Игнорирующих (нужды) рабов, наемных работников и родственников царь пусть заставит придерживаться добродетельного поведения» (II, 1). Мы не знаем, какое именно поведение хозяина по отношению к рабу (а также к наемному работнику и родственникам) считалось Каутилей недобродетельным и какими мерами царь должен был заставлять хозяев быть добродетельными, за исключением наказаний за упоминавшиеся уже проявления произвола. Хорошее отношение к рабу всегда считалось добродетельным делом. Это неоднократно подчеркивает и Ашока в своих эдиктах; хорошее отношение к рабам считалось им столь же обязательным, как и почитание учителей, послушание родителям и т. д.¹ Сходные предписания для благочестивого брахмана имеются и у Ману: «С матерью и отцом, родственниками, сыном, женой, дочерью, рабами — пусть не ссорится» (IV, 180 и 185). Можно, однако, не сомневаться в том, что эти предписания Ману далеко не всегда выполнялись рабовладельцами древней Индии. У самого Ману имеется стих, который свидетельствует об этом. «Жена, сын, раб, ученик и родной брат могут быть биты в случае совершения проступков веревкой или куском бамбука» (VIII, 229). Но окружение, в котором перечисляется раб, весьма примечательно.

В Джатаке № 97 описывается избивание хозяином веревкой рабыни за то, что она не принесла домой своего дневного заработка. В упоминавшейся Джатаке № 125 раб Катахака перед побегом думает: «Малейшая ошибка — и я буду бит, заточен, клеймен и посажен на пищу раба». В Джатаке № 542 есть место, на основании которого можно полагать, что превращенные в рабство за преступление могли быть принуждаемы работать в цехах.

Примеры плохого обращения с рабом не меняют того общего впечатления, которое создается на основании чтения Джатак, а именно, что отношения между рабом и господином в древней Индии отличались патриархальной простотой. Понятие «патриархальная простота» не обязательно совпадает с понятием «хорошее отношение»; в древнеримской семье отец мог как угодно наказывать сына, продать его в рабство и даже убить, однако отношения между ними были патриархальными. Под «патриархальной простотой отношений» понимается мною только отсутствие резких проявлений классового антагонизма. Это объясняет нам и отсутствие данных об условиях жизни раба — его жилище, платье, обуви и питании. Условия эти вряд ли существенно отличались от положения прочей домашней челяди. Немногочисленные, но важные данные относительно содержания рабов имеются у Каутильи. В 15-й главе II книги, где описываются обязанности смотрителя за складами, упоминаются нормы выдачи продуктов на основании установленных норм питания. Контекст свидетельствует о том, что речь идет о низшей домашней челяди царя — низших служащих, слугах, наемных рабочих, рабах и т. д. Из данных, имеющих в этой главе, видно, что раб получал не меньшую норму, чем другие, не-рабы; меньше обычной нормы взрослого мужчины получали только члены низших каст—

¹ VII, IX, XI и XIII скальные эдикты.

avaṅga. Это подтверждается и в главе II, 24, где говорится что сторожа садов, пастухи, рабы и наемные работники получают питание, соответствующее уровню низших слуг; только в данном случае речь идет, вероятно, не о работающих непосредственно при дворце, а о тех, которые работали в дворцовом хозяйстве; здесь же устанавливается, что раб мог получать содержание и в деньгах. Последнее упоминается также и в II, 25.

То, что раб получал денежное содержание и в этом отношении приближался по своему положению к наемному работнику, не должно затемнять принципиального различия между ними. Наемный работник (kaṁṁakaṅga) работал на основании договора с хозяином; все, относящееся к заключению этого договора, изложено в 13 и 14 главах III книги «Артхашастры». Никакого подобного договора с рабом, конечно, не заключалось, и отношения такого рода между хозяином и рабом государство и не пыталось регулировать. «Жалованье» (vetana), уплачиваемое рабу, было по существу формой поощрительного вознаграждения, выдача которого зависела от произвола хозяина. Необходимо также иметь в виду то существенное обстоятельство, что речь идет только о рабах царя; предписывать другим такую же систему содержания рабов Каутилья, разумеется, не мог, и мы не знаем ни одного примера подобной денежной оплаты у других рабовладельцев¹.

Общеизвестным является античное положение о разделении орудий на vocale, semivocale и mutum, при котором раб был всего только instrumentum vocale. Если сравнить такой взгляд на раба у римлян со взглядами древних индийцев, то мы найдем интересные различия. У Ману (VIII, 167) встречается термин adhyadhina — «целиком зависимый»; комментаторы, согласно Бюлеру², объясняют этот термин как «слуга, раб, младший брат или всякий в подобном положении». Мы также видели, что раб всегда как у Каутилья, так и у Ману выступает наряду с наемным работником и членами семьи. Интересное объяснение сущности рабского состояния дает Катьяяна: «Из-за дарения своей свободы происходит состояние рабства, подобное состоянию замужней женщины». Ему вторит Нарادا: «Рабство считается состоянием, подобным состоянию замужней женщины»³. Это характеризует не только положение женщины, но и положение раба.

Между свободными и рабами в Индии не было такой резкой границы, как в античных государствах, что также свидетельствует об известной патриархальности рабства. Переход свободного в рабское состояние, разумеется, резко снижал его в мнении других свободных; в Джатаках, например, дважды встречается dāsiputta — «сын рабыни» как бранное выражение (№ 39 и 377). Но рабское состояние все же не считалось столь позорным, как, скажем, в древнем Риме. В древней Индии самыми презренными людьми считались члены низших каст — чандала, антьявасайин и др., хотя они и были свободными. Поэтому, если в античных государствах наиболее презираемые работы исполнялись рабами, то в древней Индии презираемые работы общественного характера, такие, как уборка нечи-

¹ В переводе законов Ману Эльманович дает следующий перевод стиха VI, 45: «Он (отшельник) не должен желать умереть, он не должен желать жить; он должен ждать (своего) назначенного часа, как раб (bhṛtaka) (ждет) уплаты своего жалованья». На основании этого можно было бы думать, что получение рабом жалованья является обычным делом, иначе не появилось бы такого сравнения, как в тексте. Но такой смысл получается вследствие неправильности перевода: bhṛtaka означает буквально — «получающий жалованье», и во всех словарях определяется как «слуга». Бюлер в своем переводе также дает «servant».

² «The Laws of Manu», Oxf., 1886. («The sacred books of the East», XXV).

³ Цит. по ст. N. Banerjee, Slavery in ancient India, «The Calcutta review», 1930, № 8.

стот и подметание улиц, работы на кладбищах, наказание преступников и т. д., исполнялись членами презираемых каст.

У Ману в правилах для семейного брахмана (IV, 207—217) перечисляются более чем 60 разных людей, от которых ему не следует принимать пищу; здесь, наряду с пьяными, сердитыми, ворами, внекастовыми, упоминаются и шудры, но не упоминаются рабы, и даже есть специальное упоминание (IV, 253) о рабах, от которых можно принимать пищу, даже если они шудры. Мы не находим никаких упоминаний о рабах, когда речь идет о тех, в обществе которых брахману не следует находиться (Ману, IV, 79) или от кого не следует принимать даров (там же, IV, 84). При перечислении дважды рожденных, которых не следует приглашать на приношения богам и предкам (Ману, III, 150—167; Яджн., I, 222—224), также не упоминаются дважды рожденные, потерявшие свою свободу. А в этом перечислении имеются воры, внекастовые, игроки, люди с уродливыми ногами, ростовщики, актеры, дерзкие, архитекторы, земледельцы, кривоногие и т. д.

При рассмотрении функций царя, государственного аппарата, органов местной власти и т. д. мы не находим особых мероприятий, которые были бы направлены только против рабов. Нет даже специального чиновника, обязанностью которого было бы смотреть за царскими рабами или руководить ими. И хотя мы имеем неоднократные упоминания у Каутильи о том, что для царя внутренняя опасность серьезнее внешней, но внутренняя опасность представляется ему только как заговоры со стороны родственников (особенно сына), мятежной знати, недовольного войска (например, Каут., IX, 5).

Страх перед рабами, вражда к ним в древнем Риме, нашедшая свое выражение в крылатом выражении «сколько рабов — столько врагов», пронизывают всю его историю. Но мы не знаем в древнеиндийских источниках сообщений о каких-либо рабских войнах, о восстаниях, мятежах или заговорах рабов. Конечно, было бы не основательно предполагать на основании одного этого, что такие формы классовой борьбы вообще отсутствовали, но можно предположить, что они не принимали таких масштабов, как в странах античного мира, что естественно, если иметь в виду особенности рабства в древней Индии.

В заключение следует сказать, что важное значение имеет мнение Мегасфена о рабстве в древней Индии: «И вот что замечательно в Индии: все индийцы свободные, и нет ни одного индийца раба. В этом полное совпадение между лакедемонянами и индийцами. Но у лакедемонян рабами являются илоты, которые выполняют рабские работы; у индийцев же никто другой не является рабом, а тем более никто из индийцев» (Агр., Ind., X). Долгое время в буржуазной литературе это мнение Мегасфена считалось доказательством отсутствия рабства в древней Индии. Но изучение древнеиндийских источников показывает, что рабство в древней Индии несомненно имело место. У нас нет данных, позволяющих подозревать Мегасфена в намеренном искажении истины; скорее всего имела место ошибка — следствие наличия в древней Индии таких особенностей рабства, которые должны были ввести в заблуждение даже высокообразованного человека, приехавшего из страны с развитыми рабовладельческими отношениями. — Насколько мы можем судить по сохранившимся источникам, основной особенностью древнеиндийского рабства являлась его неразвитость; наряду с рабовладельческими отношениями продолжали сохраняться весьма значительные пережитки первобытно-общинного строя. Поэтому особенностью древней Индии, отличающей ее от стран античного мира, являлось отсутствие как в сельском хозяйстве, так и в ремесле крупных

хозяйств, основанных на применении рабского труда. Данные, весьма, впрочем, скудные, дают возможность считать, что основной сферой применения рабского труда было домашнее хозяйство. Но в условиях натурального хозяйства, безраздельно господствовавшего, даже рабовладельческая знать (не исключая и царя) стремилась к тому, чтобы индивидуальное хозяйство было в наибольшей мере самообеспечивающим. Такие работы, как уход за домашним скотом, работа в огороде, обеспечение водой, молотба, помол и обрушивание зерна, приготовление молочных продуктов, выжимка масла из маслосемян, уборка и т. д., в условиях Индии и при тогдашнем уровне развития техники должны были быть чрезвычайно трудоемкими и их удельный вес в сельскохозяйственном производстве должен был быть весьма высоким. Такие работы, как плетение цыновок, прядение, ткачество, ремонтно-строительные работы и т. д., также производились в каждом хозяйстве самими членами семьи, слугами и рабами; ремесленники же специализировались главным образом на производстве предметов, требующих высокой квалификации (изготовление предметов роскоши, парфюмерии, оружейное дело, резьба по дереву и кости и т. д.). Поэтому факт небольшого применения рабского труда в ремесле также не может быть показателем малого удельного веса рабов в производстве, хотя никогда, может быть, не удастся установить точно, каков был этот удельный вес. Рабство в Индии может быть определено как патриархальное, в том смысле, в каком его определяет Маркс, — рассчитанное на производство только для собственного потребления¹.

Место раба в производстве определяло и его общественное положение. Различие между свободным и рабом не было столь отчетливым в древней Индии, как в странах с развитым рабовладением; это выражалось в отсутствии резкого противопоставления свободных и рабов, в отсутствии взгляда на рабство как на самое презренное состояние человека, в нечеткости самой терминологии: наличие многочисленных различных разрядов рабов, включение в разряды *dāsa* (рабов), наряду с рабами в точном смысле слова, также людей, находящихся в иных степенях личной зависимости². Особенности в использовании труда рабов отражались и на отношениях между господином и рабом; раб в повседневной жизни по своему фактическому положению мало чем отличался от младших членов патриархальной древнеиндийской семьи и от прочей домашней челяди. Этому же способствовал тот факт, что рабы в своем большинстве были соплеменниками хозяина, а при существовании еще значительных пережитков первобытно-общинных отношений обращение в рабство не могло оборвать сразу семейные, родовые и кастовые связи. Поэтому раб сохранял, по крайней мере иногда и в некоторых частях страны, право на собственность (приобретенную, полученную в дар, унаследованную), право на передачу собственности по наследству, он мог иметь семью, хозяин должен был при обращении с рабом учитывать его прежнюю сословную принадлежность и т. д. Показательны в этой связи также попытки государства вмешиваться в отношения между рабовладельцем и рабом.

Отсутствие в древнеиндийских источниках зафиксированных проявлений острого классового антагонизма в массовых масштабах вполне понятно, так как классовая борьба при не вполне развитых рабовладельческих отношениях не могла еще принять форм, характерных для развитого рабовладельческого строя.

¹ См. К. Маркс, Капитал, III, 1949, стр. 816.

² Ср. Inst., Iust. I, 3, 5; «В состоянии рабов нет никакой разницы, между свободными же много различий».